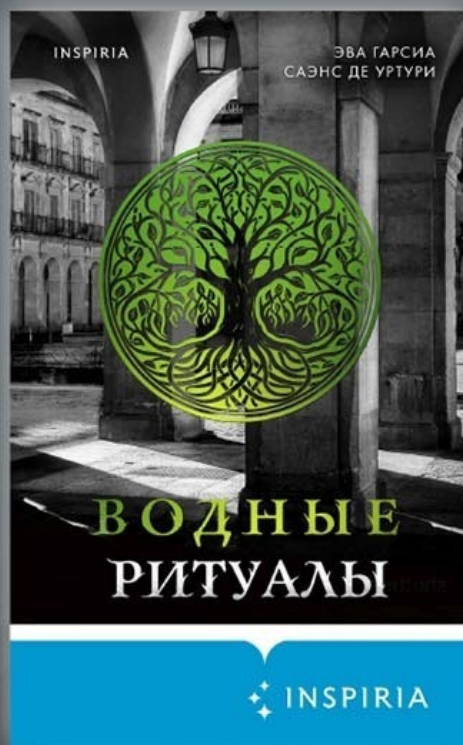

Белый город

Комплект из 4 книг

Ток. Национальный бестселлер. Испания

Эва Гарсиа Саэнс де Уртури

Белый город. Комплект из 4 книг

«ЭКСМО»

2016-2018, 2022

УДК 821.134.2-312.4
ББК 84(4Исп)-44

Гарсиа Саэнс де Уртури Э.

Белый город. Комплект из 4 книг / Э. Гарсиа Саэнс де Уртури — «Эксмо», 2016-2018, 2022 — (Ток. Национальный бестселлер. Испания)

ISBN 978-5-04-245330-4

Комплект из 4 книг - платите меньше, читайте больше! С состав входят: «Жало белого города», «Водные ритуалы», «Корни ненависти», «Черный часослов». Комплектом выгоднее, чем покупать книги по отдельности. Национальный бестселлер Испании, экранизированный Netflix. Подробные описания улиц, кафе и достопримечательностей из этой книги легли в основу реальных тематических экскурсий «Безмолвие белого города», которые сейчас проводятся под эгидой муниципалитета Витории. «Здесь кончается твоя охота. И начинается моя». Неуловимый маньяк убивает жителей Витории, украшая их тела эгускилорами — баскскими ритуальными символами. В точности как 20 лет назад... Но человек, обвиненный в давних преступлениях, провел все эти годы за решеткой и только готовится выйти на свободу. У преступника появился подражатель или тогда суд отправил за решетку невиновного? За расследование берется инспектор Унаи Лопес де Айяла по прозвищу Кракен. Пока он не знает об убийце ничего. А вот убийца, оставляющий ему загадочные и очень личные послания, знает о Кракене все... «Водные ритуалы». Тем, кто дарует новую жизнь, уготована древняя смерть... 2016 год, Страна Басков. Жестоко убита художница Ана Белен Лианьо. Девушку принесли в жертву по древнему кельтскому обряду, именуемому Водными ритуалами: оглушили, подвесили на дереве и утопили в котле бронзового века. Она была беременна... 1992 год. Будущий инспектор полиции Унаи Лопес де Айяла по прозвищу Кракен и трое его лучших друзей работают на археологической практике. Там они встречают загадочную художницу, которая становится первой любовью для всех четверых. И главной тайной для всех них... 2016 год. Кракен должен остановить серийного убийцу, имитирующего кельтские обряды смерти, жертвами которых становятся люди,

ожидающие ребенка. Избранница инспектора беременна. И теперь им обоим грозят Водные ритуалы... «Корни ненависти». Жизнь — жалкое мгновение. А смерть — всемогущая вечность... 2019 год, Витория, Страна Басков. В свет выходит эпический роман о Средневековье «Повелители времени». И тут же становится бестселлером. Но личность автора — явно местного — остается полнейшей загадкой. Все хотят знать, кто скрывается под загадочным псевдонимом... Но больше других это волнует инспектора полиции Унаи Лопеса де Айяла, знаменитого Кракена. Именно он расследует серию убийств, прокатившуюся по Витории. А способы, которыми преступник расправился с жертвами, подробно описаны в только что вышедшем романе. Отравление «шпанской мушкой»; замуровывание в стене; утопление человека, закрытого в бочке вместе с петухом, собакой, кошкой и гадюкой... Разгул Средневековья во всей своей жуткой мрачности. «Черный часослов». Того, кто мертв уже 40 лет, нельзя похитить и заставить истечь кровью... 2022 год, Витория, Страна Басков. Бывший инспектор и профайлер полиции Унаи Лопес де Айяла, более известный как Кракен, получил анонимный звонок. Звонивший сообщил, что у него есть одна неделя, чтобы найти легендарную книгу «Черный часослов Констанции Наваррской», бесценную библиографическую жемчужину. Иначе умрет мать Кракена, находящаяся в руках у преступника. Унаи в шоке. Поскольку его мать, Марта Гомес, вот уже 40 лет покоится на местном кладбище. Но анализ ДНК крови похищенной, полученный в ходе расследования, дает поразительный результат: это действительно мать Унаи... Как такое возможно? *Цена комплекта рассчитана исходя из базовых цен. Во время акционных предложений цена отдельных книг может меняться.

УДК 821.134.2-312.4

ББК 84(4Исп)-44

ISBN 978-5-04-245330-4

© Гарсиа Саэнс де
Уртури Э., 2016-2018, 2022
© Эксмо, 2016-2018, 2022

Содержание

Жало белого города	6
Пролог	7
1. Старый собор	8
2. Арки	17
3. Сабалья	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Эва Гарсиа Саэнс де Уртури Белый город. Комплект из 4 книг

Жало белого города

Eva García Sáenz de Urturi
El Silencio de la Ciudad Blanca

© Eva García Sáenz de Urturi, 2016

© Editorial Planeta, S. A., 2016

© Беленькая Н. М., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство Эксмо», 2021

* * *

Моему дедушке. Причин хватает.

Миру необходимы плохие люди.

Мы отпугиваем тех, кто еще хуже.

Раст Коул, телесериал «Настоящий детектив»

Пролог

**Витория,
август 2016**

Журналисты упорно преследовали ребят из моей тусовки. Им нужен был материал, и они рассчитывали, что те им как-то помогут. Их выслеживали по всей Витории ровно с той минуты, как появилась новость, что мне прострелили голову: отныне покоя не было никому.

С утра они ловили моих друзей возле дома. По вечерам – в «Сабурди» на улице Дато, где они молча ужинали. В те дни ни у кого не было желания разговаривать, а постоянное присутствие репортеров дополнительно давило на психику.

– Мы сожалеем о случившемся с инспектором Айялой. Вы собираетесь на вечерний митинг? – допытывался журналист, размахивая у них перед носом газетой с новостями на первой полосе, где моя физиономия занимала едва ли не больше места, чем сама статья.

Хотя, здоровенный смуглый парень, тщетно пытавшийся спрятать лицо от прицела камер, общался со мной за несколько недель до выстрела. Мои подруги, с которыми мы знали друг друга с детства, смотрели в тарелку, друзья отворачивались от камер.

– Просто ужас, – буркнул наконец Хота, хлебнув красного вина. – Жизнь несправедлива, очень несправедлива.

Он намекал на то, что пора бы оставить их в покое, но тут репортеры увидели Германа, моего брата-карлика, чей рост метр двадцать невозможно было не заметить. Бедняга сделал попытку пробраться к туалету. Репортер, с косящими от бесконечных извинений глазами, его узнал.

– Это его брат, быстрее за ним! – скомандовал он операторам.

Герман обернулся и захлопнул дверь кабинки прямо у них перед носом; в тот же вечер его поход в туалет транслировали все национальные каналы.

– Идите к черту, – пробормотал измученный Герман спокойно, почти миролюбиво.

Я знаю, виторианцы потрясены новостью о том, что их героя застрелили, и если заранее все продумать, что, к сожалению, невозможно, меня ради такого случая следовало бы нарядить в костюм.

Ни один полицейский не готов к тому, что станет последней жертвой серийного убийцы, год за годом державшего в страхе целый город, но жизнь придумывает множество способов нас обхитрить.

В общем, на снимках я получился так себе. Как я уже говорил, мне всадили пулю в голову. Однако следовало бы рассказать подробности того, что в начале носило название «Двойного убийства в дольмене¹», а в итоге превратилось в самую настоящую бойню, продолжавшуюся много лет и тщательно спланированную преступным умом, чей IQ значительно превышал умственные способности всех тех, кого мы подозревали.

Когда человек, убивающий людей одного за другим, – чертов гений, остается лишь молиться, чтобы твой мяч не выскочил из золоченой корзины и следящий за игрой мальчишка не объявил дрожащим от волнения голосом твой номер.

¹ Дольмен – погребальное культовое сооружение эпохи бронзы.

1. Старый собор

24 июля, воскресенье

Я наслаждался лучшим в мире картофельным омлетом – яйцо полусырое, картошка хорошо пропеченная, при этом хрустящая, – когда раздался телефонный звонок, изменивший всю мою жизнь. В худшую, надо заметить, сторону.

Был канун Дня Сантьяго, и мы, жители Витории, готовились ко Дню блузы², любимому празднику молодежи, который открывает целую череду других праздников, приходящихся на начало августа. В отделанный деревянными панелями бар, где я наспех заканчивал свой маленький гастрономический праздник, набилось столько шумного народа, что, почувствовав в кармане рубашки, возле сердца, дрожь ожившего мобильного, я вышел на улицу Прадо.

– Что случилось, Эстибалис?

Обычно напарница старалась не беспокоить меня в выходные, а День блузы и канун праздников были тем более священными днями: весь город вверх ногами, о работе никто не думает.

Грохот духового оркестра и гвалт следовавшей с ним толпы, которая подпрыгивала и подпевала в такт музыки, в первый момент не позволяли расслышать голос Эстибалис.

– Унаи, срочно приходи к Старому собору, – приказала она.

Эти слова, равно как и их звучание, озадаченное и одновременно взволнованное, непривычно звучали в устах девушки-полицейского с отлично поставленным голосом.

Я сразу сообразил, что случилось что-то серьезное.

Пытаясь скрыться от вездесущего шума, который в тот день наполнял весь город, я машинально направил шаги к парку Флорида, стараясь уйти подальше от децибелов, мешавших хоть как-то поддерживать разговор.

– Что случилось? – спросил я, стараясь собраться с мыслями: последний глоток риохи явно был лишним.

– Ты не поверишь, но все в точности так же, как двадцать лет назад.

– Ты о чем, Эсти? Я плохо соображаю.

– Археологи из реставрационной команды собора обнаружили в склепе два обнаженных тела. Юноша и девушка, ладони на щеках друг у друга. Что-то напоминает, верно? Приходи немедленно, Унаи. Это серьезно, очень серьезно. – И она нажала отбой.

«Быть такого не может», – подумал я.

Такого не может быть.

Я даже не попрощался с ребятами. Скорее всего, они так и сидели в баре «Сагартоки» посреди людской толчеи, и маловероятно, что кто-то из них обратил бы внимание на мобильный, если я позвонил, чтобы сообщить, что мой День блузы подошел к концу.

После звонка напарницы я, понутив голову, направился к площади Белой Богородицы, прошел мимо своего дома и дошел до начала Коррерии, одной из старейших улиц средневекового города.

Неудачный выбор. Народу там было полно, как и повсюду в центре. «Малькерида» и другие бары, изобиловавшие в нижних этажах старого города, были полны виторианцев, и я более четверти часа добирался до площади Бурульерия, расположенной у собора, где мы с Эстибалис договорились встретиться.

² День Сантьяго – День святого Иакова, покровителя Испании, 25 июля. День блузы – праздник в честь Белой Богородицы, покровительницы Витории. Во время праздничных мероприятий молодые парни наряжаются в баскские национальные костюмы, одна из составляющих которых – широкая голубая блуза. Женский наряд называется *peska*.

Площадь получила свое название потому, что в XV веке представляла собой рынок бурьеров – сукновалов, превративших город в торговую артерию северной части полуострова. Я шел по мощеной мостовой, и бронзовая статуя Кена Фоллетта³ с тревогой наблюдала, как я прохожу мимо, словно писатель заранее предвкушал темные сюжеты, которые сплетались вокруг меня.

Эстибалис Руис де Гауна, инспектор отдела уголовного розыска, работавшая со мной в паре, ожидала меня на площади у собора, попутно делая звонки в тысячу разных мест и нервно расхаживая туда-сюда. Со стороны она напоминала спящую ящерицу. Ее рыжая грива до подбородка и скудные метр шестьдесят едва ли соответствовали требованиям при приеме в штат, и Витория чуть не потеряла одного из самых энергичных и сообразительных следователей.

Мы были чертовски хороши в закрытии сложных дел, хотя и не так хороши в следовании правилам. Нам не раз выносили предупреждение за отсутствие дисциплины, и мы привыкли покрывать друг друга. Что же касается правил... Как говорится, мы над этим работаем.

Мы над этим работаем.

Я смотрел сквозь пальцы на некоторые пристрастия, которые все еще присутствовали в жизни Эсти. Она смотрела в другую сторону, когда я не следовал указаниям начальства и проводил расследование самостоятельно.

Я специализировался на психологии преступников, поэтому именно ко мне обращались при обнаружении серийных случаев: убийств, изнасилований... Всякий мерзавец и подонок, чьи преступления повторялись, поступал ко мне в работу. Обычно серийный случай насчитывает более трех аналогичных преступлений, даже если по времени их разделяет период затишья.

Эстибалис занималась виктимологией, наукой прославленной и забытой. Почему жертвой становится именно этот человек, а не кто-то другой? Эсти увереннее, чем кто-либо, ориентировалась в базе данных SICAR⁴, которая включала в себя всевозможные следы и отпечатки автомобильных шин, или SoleMate, энциклопедии всех марок и моделей ботинок, кроссовок, кед и тапочек производства самых разных стран.

При моем появлении она спрянула мобильный и посмотрела на меня с сочувствием.

– Что там? – поинтересовался я.

– Сам увидишь, – прошептала Эсти, как будто нас могло услышать само небо, а может, преисподняя, кто знает. – Мне звонил комиссар Медина собственной персоной. Им нужен эксперт по психологии, как ты, а меня они просят заняться жертвами. Сейчас все поймешь. Любопытно, что ты скажешь. Уже прибыли криминалисты, судмедэксперт и судья. Зайдем со стороны Кучильерии.

Кучильерия была одной из старинных улиц, где в Средние века располагались мастерские различных гильдий. Какими только ремеслами не занимались предки виторианцев: кузнечное дело, сапожное дело, шорная мастерская, маляры и штукатуры... Эта часть Средневекового города оставалась нетронутой, несмотря на миновавшие с тех пор столетия.

Важно отметить, что к собору вели узкие ворота, казавшиеся проходом между домами.

Двое полицейских уже стояли у массивной деревянной двери дома под номером 95. Они поздоровались с нами и пропустили внутрь.

– Я допросила двоих археологов, которые обнаружили тела, – сообщила мне коллега. – Они пришли сегодня, чтобы продолжить свои раскопки. Видимо, на них надавили из Фонда

³ Кен Фоллетт – валлийский и британский писатель, описывавший в своих романах собор Санта-Мария в Витории, что вызвало большой приток туристов.

⁴ SICAR, Sistema Nacional de Cadastro Ambiental Rural – национальная испанская система сельского кадастра.

собора Санта-Мария, чтобы в этом году они закончили крипту и ров. Они оставили нам ключи. Как видишь, замочная скважина не тронута. Никаких следов взлома.

– Получается, они явились на работу накануне Дня Сантьяго? Не кажется ли тебе это несколько... странным для виторинца?

– В их поведении я не заметил ничего странного, Унаи, – Эсти покачала головой. – Они возбуждены или, скорее, испуганы. Такую реакцию подделать невозможно.

«Что ж, значит, так оно и есть», – подумал я. Я доверял мнению Эстибалис, как заднее колесо телеги доверяет переднему. Мы были партнерами и крутили одни и те же педали.

Я вошел в отреставрированный портик, и Эсти закрыла за нами дверь. Праздник остался где-то вдали.

До сих пор известие о найденных трупах не умещалось у меня в голове – слишком уж не сочеталось оно с радостной и беззаботной суетой, царящей вокруг. Но дверь закрылась, нас окружила монастырская тишина, рабочие прожекторы тускло подсвечивали лестницу, ведущую в подземную часовню, и все это показалось мне более реальным. И ужасным.

– Эй, надень каску. – Эстибалис протянула мне одну из белых касок с синим логотипом, которые фонд рекомендовал посетителям, входящим в собор. – С твоим ростом того и гляди треснешься головой.

– Неохота. – Не оборачиваясь, я обзирал тесное помещение.

– Это обязательно, – настаивала она, дернув меня за рукав и вновь протягивая мне белую посудину.

Это была наша обычная игра, заключавшаяся в одном лишь простейшем правиле: «От сих и до сих». На самом деле было еще одно правило, дополняющее первое: «Не спрашивай. От сих до сих». Я считал, что два года без каких-либо происшествий – это статус-кво, устоявшийся способ общаться друг с другом, а мы с Эстибалис отлично ладили. Влияло на нас и то, что она была занята приготовлениями к свадьбе, а я овдовел лет уже... впрочем, какая разница.

– Надо же, мягкая, – пробормотал я, беря из ее рук пластиковую каску.

Мы поднялись по кривым лестницам, оставив позади макеты деревни Гастейс⁵, первого поселения, на месте которого впоследствии был возведен город. Эстибалис остановилась, чтобы достать ключи от внутреннего помещения Старого собора, одного из символов нашего города, восстановленного и переделанного большее количество раз, чем мой детский велосипед. Плакат с чертежами работ встречал нас по правую руку.

Я знал наизусть все главные места нашей провинции; я хранил их у себя в височной доле с тех пор, как двойное убийство в дольмене двадцать лет и четыре месяца назад потрясло целое поколение виторинцев.

Дольмен под названием «Ведьмина Лачуга», кельтское урочище Ла-Ойя, римские солончаки Аньяна, Средневековая стена... таковы были места, избранные серийным убийцей, чтобы превратить Виторию и провинцию Алава в арену для хроник в мировых теленовостях. Появились даже туристические маршруты, проходящие по местам, которые благодаря этим событиям обрели новую жуткую славу.

В ту пору мне было двадцать, и эти события впечатлили меня до такой степени, что я решил стать полицейским. За расследованием я следил с одержимостью вчерашнего подростка, заикнувшегося на определенной теме. Анализировал скудные сведения, опубликованные в «Диарио Алавес», и думал: «Я бы справился с этим лучше. Они бестолковы, они не учитывают главного: мотивация, причина преступления». Да: в свои двадцать лет я считал себя умнее полиции, как бы ни наивно казалось мне это сейчас.

⁵ Гастейс – древнее название Витории. В настоящее время употребляется как второе название столицы провинции Алава. В Стране Басков по сей день официально используются двойные названия городов: Витория-Гастейс, Доностия-Сан-Себастьян и др.

В итоге реальность ударила меня по лицу сильнее боксерской перчатки; она ошеломила меня, как и всю страну. Никто не ожидал, что виновным окажется Тасио Ортис де Сарате. Убийцей мог оказаться кто угодно: сосед, монахиня ордена Клариссы, пекарь. Да хоть сам мэр...

Но только не он, наш местный герой, который был для нас больше чем идол: мы ему подражали. Медийный археолог, неизменный участник телешоу с рекордным количеством показов в каждом эфире, автор таинственных книг по истории, чьи тиражи расхватывали в считанные недели, Тасио был самым харизматичным и неотразимым человеком, рожденным в Витории за последние десятилетия. Умный, красивый, мужественный, по единодушному мнению всех женщин. Кроме того, у него был двойник.

Да, самый настоящий двойник.

Двое на выбор: у Тасио был брат, однояйцевый близнец, точная его копия – даже ногти стриг так же. Не отличишь. Оптимист, как и Тасио, из хорошей семьи, весельчак, гуляка, образован, хорошо воспитан... Им сравнялось всего двадцать четыре года, а у ног их была уже вся Витория. Их ждало будущее не просто блестящее, а звездное, стратосферное.

Игнасио, его брат-близнец, встал на путь защиты закона: в тяжелые годы он сделался полицейским, к тому же был самым крутым и дельным парнем в нашем подразделении. Никто не ожидал, что история замкнется на этих двух братьях и все кончится так, как кончилось. Всё, повторяю, всё было слишком чудовищным и жестоким.

Один из братьев нашел неопровержимые доказательства того, что его брат-близнец – наиболее преследуемый серийный убийца во всем демократическом мире, и ему самому пришлось отдать приказ о задержании, при том что до последнего момента братья были нераздельны, как сиамские близнецы... Игнасио стал человеком года, всеми почитаемым героем, который лично арестовал опаснейшего преступника и сделал то, на что способны немногие: выдал собственную кровь, посадил за решетку собственную жизнь.

Но вот что меня беспокоило: как «Диарио Алавес», так и «Коррео Виториано» – две наши местные газеты, непримиримые соперники – в эти дни наперебой писали о том, что Тасио Ортис де Сарате через пару недель временно выйдет на свободу: после двадцати лет тюремного заключения его ожидает свобода. И сейчас, именно сейчас город с самым низким уровнем преступности на севере страны внезапно потрясен двумя убийствами, которые обрушат мрачную статистику преступлений...

Я покачал головой, словно стараясь отпугнуть призраков. Выводы следовало отложить до лучших времен и сосредоточиться на том, что нас ждет впереди.

Мы вошли в недавно отреставрированную часовню, и мне действительно пришлось наклонить голову – такими низкими были потолки. Внутри пахло свежей древесины. Я осторожно ступал по плиткам из серого камня. После безупречной машинной полировки XXI века они выглядели совсем новыми, и жаль было пачкать их уличной обувью. Две толстые колонны перед нами выдерживали, как могли, истинный вес старого собора – тяжесть веков, которая наваливалась на них всей своей громадой.

Увидев два неподвижно лежащих тела, я почувствовал болезненный спазм в желудке. Но сдержался.

С усилием, но сдержался.

Криминалисты в белых скафандрах и мягких башмаках заканчивали осматривать картину преступления. Они установили несколько прожекторов, освещающих темную часовню; кажется, фотографии уже сделали свое дело, потому что на полу я увидел несколько метрических контуров. Эстибалис попросила эскиз сцены и, не спеша осмотрев его, протянула мне.

– Только не говори, что им по двадцать лет, Эсти, – взмолился я.

«Любой другой возраст, только не двадцать лет».

Жертвам предыдущего серийного убийцы было по пятнадцать. Четыре пары, девочки и мальчики, юноши и девушки, обнаженные, и каждый ласково прижимал ладонь к щеке другого в преисполненном нежности жесте, который никто не мог объяснить, особенно после того, как выяснилось, что ни в одном из случаев жертвы даже не были знакомы друг с другом. Зато все четверо – с двойными фамилиями, типичными для уроженцев Алавы: Лопес де Арментия, Фернандес де Ретана, Руис де Аркаут, Гарсиа де Видуния, Мартинес де Гереню...

В долине Ведмина Лачуга, в одном из городков Алавы под названием Эльвильяр, обнаружили безжизненные тела новорожденных. Немногим позже на кельтском урочище Ла-Ойя в Лагуардии⁶ были найдены мальчик и девочка пяти лет. Руки, утешающие друг друга, взгляд, затерянный в небесах...

В соляной долине Аньяна, где еще во времена римлян процветала добыча соли, обнаружили тела мальчика и девочки десяти лет. Когда волна убийств докатилась до Витории и возле Средневековой стены были найдены трупы пятнадцатилетних подростков, общий психоз дошел до такой степени, что мы, молодежь двадцати лет, не выходили из дома, играя в мус⁷ с бабушками и дедушками. Никто не отваживался разгуливать по Витории поодиночке. Складывалось впечатление, что возраст жертв увеличивался в соответствии с хронологией нашей земли. Все очень хронологично, все так, как нравилось Тасио.

Потом его поймали. Инспектор Игнасио Ортис де Сарате приказал задержать Тасио Ортиса де Сарате, самого известного и любимого археолога страны. Его судили, признали виновным в совершении восьми убийств и посадили в тюрьму.

Урожай убитых виторианских детей прекратился.

Голос напарницы вернул меня в настоящее.

Судебный эксперт, доктор Гевара, худая пятидесятилетняя женщина с выпуклыми наружными скулами, вполголоса болтала с судьей Олано, пожилым, грузным и коротконогим человеком с широкой спиной, который слушал ее, поставив одну ногу в направлении двери, словно желая побыстрее сбежать из этого места. Мы старались их не отвлекать: поглощенные беседой, они явно не желали, чтобы кто-то их прерывал.

– Личность убитых пока не установлена, – вполголоса сообщила мне Эстибалис. – Проверяем сводки о пропавших. С виду и парню, и девушке около двадцати. Ты думаешь о том же, что и я, верно, Кракен?

Иногда она называла меня детским прозвищем – одна из дружеских привычек, не исчезнувших со временем.

– Неужели это то, о чем я думаю? Быть такого не может, – прошептал я, держась за подбородок.

– Тем не менее это так.

– Пока неизвестно, – перебил я ее в некотором раздражении.

Она промолчала.

– Пока ничего не известно, – повторил я, отчасти чтобы убедить себя самого. – Давай займемся тем, что имеем. Потом в кабинете на трезвую голову все это подробно обсудим.

– Договорились. Что ты видишь?

Я приблизился к телам жертв, уперся руками в колени и пробормотал свое обычное заклинание:

«Здесь заканчивается твоя охота и начинается моя».

– Три эгускилора⁸, три цветка солнца, – сказал я наконец. – Кто-то положил их между головами убитых и по обе стороны ног. Не понимаю их значение в этой сцене.

⁶ Муниципалитет, часть провинции Алава.

⁷ Мус – одна из самых популярных карточных игр в Испании (*прим. переводчика*).

⁸ Эгускилор, или колючник бесстебельный (*лат. Cardo Silvestre*, также *Carlina acaulis*), – цветок, по форме напоминающий

В культуре басков эгускилор был древним символом защиты: эти цветы вешали в дверях домов, чтобы защитить их от ведьм и демонов. Однако в нашем случае никого они, разумеется, не защитили.

– Я тоже не понимаю, что они тут делают, – согласилась Эстибалис, подходя ко мне ближе. – Итак, о жертвах: юноша и девушка, белые, возраст – двадцать или двадцать с чем-то. Лежат на спине, голые, лицом вверх на полу собора. Не вижу ножевых ранений, следов от удара и прочих признаков насильственной смерти. Хотя... посмотри-ка: у обоих сбоку на шее маленькое входное отверстие. Прокол чем-то острым. Видимо, обоим что-то вкололи.

– Надо будет дожидаться токсикологического заключения, – сказал я. – Придется послать образцы на анализ в лабораторию судебной экспертизы в Бильбао. Это могут быть наркотики или психоактивные вещества. Что-нибудь еще?

– Одна рука каждого лежит на щеке другого. Судебный эксперт пока не установил время смерти, но тела не успели окоченеть, а значит, смерть наступила несколько часов назад, – добавила Эсти. – Попрошу криминалистов, чтобы надели им на руки бумажные пакеты. Не похоже, чтобы жертвы защищались, но заранее ничего сказать нельзя.

– Кажется, они чем-то пахнут... – Я поманил ее пальцем. – Что это, бензин? Запах слабый, но отчетливый. Бензин или нефть.

– У тебя тонкое обоняние. Я не почувствовала, – заметила Эсти, нагнувшись к лицам.

– Предстоит определить причину смерти. Думаешь, их тоже отравили, как и предыдущих? Может, заставили наглотаться бензина?

Я размышлял, глядя на лицо девушки. На нем застыла гримаса боли. Жертва умерла в мучениях, так же как и юноша. Я осмотрел волосы юноши. Недавно их остригли по бокам, и челка все еще держалась благодаря гелю для волос: видимо, парень ходил в хорошую парикмахерскую. По всей видимости, он заботился о себе. Девушка тоже была хороша собой. Ухоженные брови, отсутствие дефектов на коже или прыщей – убитая выглядела как современная девушка, которая с раннего возраста использует кондиционер для волос и прибегает к салонным косметическим процедурам.

«Маленькие пижоны», – мелькнуло в голове. Как и прошлые жертвы. Но я быстро понял, что ошибаюсь.

– Эстибалис, – окликнул я. – Мы должны отбросить прежние версии и начать все сначала. Нельзя рассматривать предыдущий сценарий; мы оба поторопились, сравнивая это преступление с прошлыми. Мы до них еще доберемся. Давай займемся нашим случаем, а потом уже будем сравнивать.

– Думаю, именно так рассуждает убийца или убийцы. Сценарий слишком напоминает прежние преступления. Если ты спросишь меня о жертвах, Кракен, я бы сказала, что это все та же серия, начатая двадцать лет назад.

– Да, но разница есть. Не думаю, что эти умерли от яда. Хотя пресса так и не уточнила, какой именно тогда был яд. Не верю и в то, что их накачали бензином. Для этого потребовалось бы довольно большое количество бензина, и запах был бы гораздо сильнее, не говоря о химических ожогах, которых мы не видим. Такое впечатление, что они сделали один-два глотка, не больше.

Я посмотрел на лицо юноши. Его выражение казалось мне странным: рот сомкнут, губы немного втянуты внутрь, как будто он кого-то кусает.

Внезапно я кое-что заметил и наклонился к девушке.

– Обоим рот залепили лентой, а потом рывком ее содрали. Смотри.

Действительно, вокруг губ виднелся прямоугольный отпечаток клейкой ленты, которая слепляла губы жертв из-за раздражения кожа слегка покраснела.

Внезапно в каменной тишине подземелья, нагонявшей страх и тоску, послышались какие-то звуки. Жужжание: слабое, но неприятное.

Я подал знак Эстибалис, чтобы она замолчала, и приблизил ухо к лицу юноши, почти коснувшись его. Что за чертов звук? Я закрыл глаза и целиком сосредоточился на странном жужжании, пытаюсь установить его источник, а также место, где оно слышнее всего. Я едва не касался щекой кончика носа жертвы: звук явно шел изо рта.

– У тебя есть ручка?

Эсти достала ручку из заднего кармана брюк и протянула мне. На лице ее обозначилась вопросительная гримаса.

Задним концом ручки я приоткрыл уголок рта. Из отверстия вылетела пчела. От неожиданности я повалился на спину.

– Черт, пчела! – вскрикнул я, лежа на полу.

Все присутствующие обернулись в нашу сторону. Криминалисты взглянули на меня с упреком: как-никак, я упал в самый центр места преступления.

Эстибалис опомнилась и попыталась ее схватить, но насекомое пролетело над нашими головами и за долю секунды оказалось довольно далеко, удаляясь в сторону руин древней деревни Гастейс, укрытых пластиковым колпаком.

– Мы должны ее поймать, – сказала напарница, блуждая взглядом по потолку. – Если с ее помощью было совершено преступление, она станет главной уликой в расследовании.

– Поймать? Расстояние от апсиды до входа девяносто шесть метров! Не делай такое лицо, – сказал я, заметив, как Эсти на меня смотрит. – Каждый раз, когда в Виторию приезжает кто-то из знакомых, я вожу его на экскурсию по этому собору.

Эстибалис вздохнула и подошла к убитым.

– Ладно, забудем пока про пчелу. Скажи, ты видишь следы сексуального насилия?

– Нет. – Я снова подошел к трупам. – Половые органы девушки выглядят нетронутыми. Спросим судмедэксперта; кажется, она закончила разговор с судьей.

– Ваша честь... – сказала Эстибалис, машинально пригладив волосы, торчавшие из-под шлема, и убирая их в хвостик.

– Добрый вечер, – отозвался судья Олано. – Мой секретарь оставит вам акт о визуальном осмотре, чтобы вы его подписали. Лично с меня достаточно для выходного дня.

– И не говорите, – пробормотал я.

Судья поспешно вышел из часовни, оставив нас один на один с судмедэкспертом.

– Вы нашли биологические материалы, доктор? – поинтересовался я.

– Мы осмотрели тела и поверхность пола с помощью УФ-лампы, – сказала она. – Никаких следов крови. Заодно поискали следы спермы с лампой Вуда, но их тоже не обнаружилось. В любом случае будем ждать аутопсию, она даст более точные результаты. Боюсь, нас ожидает непростое расследование. Что-то еще, коллеги?

– Нет, доктор. Пока нет, – улыбнулась на прощание Эстибалис. Как только судмедэксперт исчезла, она повернулась ко мне. – Итак, Унаи, каково твое мнение?

– Тела обнажены, и во всей этой сцене явно присутствует выраженный сексуальный подтекст: жертвы похожи на влюбленных, к тому же эти руки на щеках. Думаю, все это было сделано уже посмертно, когда убийца перенес их сюда и уложил тела в направлении...

Я достал из кармана мобильник и открыл приложение, служившее компасом. Присел на корточки и некоторое время сидел, не шевелясь.

– Они ориентированы в ту сторону, где во время зимнего солнцестояния встает солнце, – сообщил я.

– Поясни; я не дитя гор, которое, подобно тебе, по выходным сливается с матерью-природой.

– Ни с чем я не сливаюсь, езжу всего-навсего помочь деду с огородом. Если у тебя был дед девяносто четырех лет, не желающий жить, как обычный пенсионер, ты бы делала то же самое. А отвечая на твой вопрос – тела ориентированы на северо-запад.

«Как и первые убитые в долмене, – обеспокоенно подумал я. – Тревожный сигнал».

Но вслух ничего не сказал.

Я не хотел противоречить сам себе, Эстибалис не должна была заметить, что, несмотря на все мои попытки выкинуть из головы старое дело, я продолжал сравнивать нынешнее убийство с нашими подростковыми кошмарами. Возможно, как и сама Эсти.

Внутри у меня что-то дрогнуло. Я не мог не думать о том, что дышу одним воздухом с убийцей. Что всего несколько часов назад говнюк и психопат занимал то же положение в пространстве, что и я. Я всматривался в неподвижный воздух собора, будто в нем могли остаться его следы. Я словно узнавал его шаги, видел его поступь на быстрой перемотке в своем воображении. Как он притащил тела, как, не оставляя следов, укладывал их в часовне. Я точно знал, что это был человек скрупулезный и что похожие вещи он делал и раньше.

В тот вечер он совершал злодеяние не в первый раз.

Оставалось лишь увидеть его лицо. Я отказывался верить в то, что загадка проста и все настолько безоговорочно: решение принято еще до того, как рассмотрены все детали.

Эстибалис наблюдала за мной, ожидая, пока я покину ментальные лабиринты, в которых иногда подолгу блуждал. Она хорошо меня знала и уважала мое молчание, равно как и другие привычки.

Наконец я встал, мы переглянулись и поняли, что оба на десять лет моложе исследователей, которые полчаса назад вошли в этот храм.

– Ладно, Унаи. А что говорит тебе твой перфекционизм?

– Убийца – человек крайне щепетильный. Это не спонтанная вспышка агрессии. Готов поклясться, что он не был знаком с жертвами и выбирал их случайно. Кроме того, абсолютный контроль над ситуацией. Но больше всего меня тревожит отсутствие следов и других улик. Это означает, что у него почти профессиональный криминальный почерк, и это меня очень беспокоит.

– Что еще? – настаивала Эсти, догадываясь, что я не все сказал и всего лишь размышлял вслух в ее присутствии. Мы часто так делали: когда размышляешь вслух, голова работает быстрее и лучше.

– Глаза у жертв открыты; это указывает на то, что убийца не чувствовал ни жалости, ни раскаяния. Признак психопатии, – продолжал я.

– Признаки спонтанности?

– Не вижу ни одного. Как правило, спонтанные убийцы оставляют после себя множество следов беспорядочного и жестокого насилия. Уродуют лица, меняя черты до неузнаваемости, оставляют следы первого попавшегося под руку орудия, например палок или камней. Здесь же все иначе. Парень не психотик. Похоже, он психопат или социопат: аккуратен, склонен к планированию, у него нет умственных проблем, иначе говоря, он полностью вменяем. Не могу понять, каким оружием он совершал убийства. С помощью пчелиного яда? Тогда это похоже на фетиш.

– Предметы, которые обычно не являются оружием, для него имеют особое значение, – вслух заключила Эстибалис.

– Похоже на то, – я кивнул. – Надо узнать, какой яд использовал убийца двадцать лет назад. Как только вернемся в офис, запросим старые отчеты. Если мы допустим, что это убийство – продолжение серии из четырех убийств, начатой в девяносто шестом году, мы также вынуждены принять гипотезу о передышке, продлившейся два десятилетия. Когда речь идет об организованных серийных убийствах, долгий период ожидания означает, что личность пси-

хопата уравновешена. По статистике, это недели или месяцы. Ты хоть представляешь, с кем мы имеем дело, если этот парень способен на двадцать лет ожидания?

– Говорить придется тебе, Унаи. Скажи это во всеуслышание, потому что вся Витория будет об этом спрашивать. Через несколько часов новость возглавит топ новостей, и нам надо подготовить заранее ответ, который мы дадим, когда на нас обрушится пресса.

Я вздохнул.

– Хорошо. Что-нибудь придумаю; надеюсь, у меня получится.

– Давай думай.

Внезапно предчувствие опустилось мне на левое плечо, как черная бабочка. Я понял, что оно меня не обманывает: если у меня был стеклянный шар, орудие для предсказания будущего, если я знал заранее, что вынужден буду возглавить это расследование, я никогда не пошел бы работать в отдел по расследованию убийств.

Да, именно так. Остался бы в Вильяверде, сеял бы пшеницу вместе с дедушкой.

Потому что мне не хотелось участвовать в этом расследовании. Именно в этом – не хотелось. В любом другом – пожалуйста... Да, я все обдумал, я готовился годами и неплохо справлялся со своей работой. Хорошая статистика, успешные расследования за разумный период времени, похвалы от начальства и дружеские похлопывания по спине. Но только не этот случай, не новый Тасио Ортис де Сарате.

Я должен был все это озвучить, сформулировать, высказать, чтобы мысли перестали быть навязчивым шумом в голове.

«Договорились, – заключил я. – Я все скажу».

– Какого черта Тасио снова взялся за убийства – двадцать лет спустя и в той же манере, – если сейчас он заперт в тюрьме Сабалья? Может ли человек, каким бы дьяволом он ни был, находиться одновременно в двух местах?

2. Арки

**День Сантьяго,
25 июля, понедельник**

Меня восхищала загадочная симметрия этих случаев. Двое убитых, чей возраст заканчивается на ноль или на пятерку... Убийца и полицейский похожи друг на друга как две капли воды... Но тот факт, что преступления прекратились, когда Тасио оказался за решеткой, и возобновились, когда его вот-вот должны были выпустить, не вменялся ни в какие схемы...

Это не давало мне спать и, честно сказать, по-своему восхищало.

Я вскочил в шесть утра, проснувшись внезапно и не в силах снова уснуть. Отчасти потому, что внизу под моим деревянным балконом на площади Белой Богородицы все еще праздновали День блузы, как будто дело происходит не ранним утром. А еще я предчувствовал трудный день: столкновение с прессой, выслушивание указаний комиссара Медины... Предстояло утомительное хождение по кабинетам, и надо было перевести дух, чтобы хорошенько к нему подготовиться.

Я надел беговые кроссовки, сбежал вниз по лестнице и толкнул входную дверь, отделявшую меня от сердца Витории. Пару лет назад я снял неплохую квартиру в самом центре города. Одна моя знакомая, работавшая в «Пералес», риелторской фирме, занимающейся арендой в пределах города, осталась моим должником после того, как я помог ей получить запретительный ордер, ограждавший ее от посягательств слишком настойчивого бывшего поклонника. К слову сказать, редкостного козла.

Бегонья была мне очень признательна за эту услугу. И, зная, что после всего того, что произошло с Паулой и моими детьми, я ищу квартиру, предложила мне этот редкий вариант, который даже не успела внести в список на сайте своей конторы. Однокомнатная квартира со свежим ремонтом. Пожилые соседи, добродушные, но безнадежно глухие. Отличный вид с третьего этажа. Правда, без лифта. Места хватало только для меня одного, больше никто туда не поместился бы, иначе говоря – не квартирка, а чудо.

Я выскочил на тротуар, пересекая потоки людей, возвращавшихся домой и представлявших собой чуть ли не процессию. Разговоры стихали, шаги тяжелели; кто-то, ша-таясь, стоял возле обувного магазина, пьяный в стельку.

Я обошел толпу и затрусил по менее людным улицам. Пересек площадь и очутился на улице Дипутасьон, затем на Сиервас-де-Хесус и пересек весь Средневековый квартал, пока через полчаса не взбежал на склон Сан-Франсиско, чувствуя себя более свежим и отдохнувшим, затем устремился в Акри... вот и она, таинственная бегунья, с которой в последние недели я встречался каждое утро. Единственный человек, достаточно сумасшедший или мотивированный, чтобы, подобно мне, бегать по городу в шесть утра.

Она сторонилась узких переулков, держалась подальше от теней, всегда бежала по центру мостовой, поближе к фонарям, и носила на шее яркий свисток. Осторожный человек. Точнее, хорошо осознающий опасность. Возможно, на нее уже кто-то покушался, а может, она боялась, что нападут. Тем не менее бегала навстречу заре почти ежедневно в течение всей недели.

Я замедлил трусцу, когда достиг последнего пролета крытой галереи, увенчанной арками. Мне не хотелось, чтобы все это выглядело так, будто я ее преследую. Не хотелось ее пугать, к тому же я ее не преследовал, хотя эта девушка с темной косой и в не очень подходящей для бега шапке интересовала меня больше, чем я готов был признаться. Я отвлекся, рассматривая гигантский плакат, висевший на стене и рекламировавший мюзикл «Моби Дик» в Главном театре.

«Зовите меня Исмаил, – думал я, вспоминая первые строчки романа. – Несколько лет тому назад – когда именно, не важно – я обнаружил, что в кошельке у меня почти не осталось денег, а на земле не осталось ничего, что могло бы еще занимать меня, и тогда я решил сесть на корабль и поплавать немного, чтоб поглядеть на мир и с его водной стороны. Это у меня проверенный способ развеять тоску и наладить кровообращение»⁹.

Однако, к моему удивлению, она заговорила первая, выведя меня из раздумий. Остановившись на эспланаде напротив входа в церковь Сан-Мигель, подошла к бронзовой статуе Кальдерона, поставила ногу на перила и начала растяжку.

Я прошел мимо, вежливо делая вид, что не замечаю ее, но она подняла голову.

– Что же ты не гуляешь со всеми по городу? – Она усмехнулась. Ее чистая свежая энергия коснулась меня, и я остановился. – Вариантов два: или ты не блуза¹⁰, или слишком любишь бегать.

«Ничего-то ты не понимаешь...»

– Боюсь, ни то ни другое, – ответил я, надеясь, что не слишком вспотел. – А может, обе причины вместе.

Я никогда не видел ее лица и ни разу не замечал, чтобы она останавливалась. Лицо у нее было узкое, его выражение – дружелюбное. В бледном свете фонарей цвет глаз определить было сложно. Высокого роста, с очень белой кожей. Приятная, привлекательная девушка. Все одновременно. И в то же время она казалась холодной, далекой.

– А ты? – спросил я, оставаясь на почтительном расстоянии. – Тебе нравится быть не такой, как все?

– Это единственное время дня, когда я могу побыть наедине с собой.

«Ясно: ты либо обременена семьей, либо работаешь на стрессовой работе. Возможно, с утра до вечера. Внеурочные часы, ответственное место», – предположил я, но выводы оставил при себе.

– Хорошо, что я не последний представитель вымирающего вида, – ответил я.

Она улыбнулась и подошла познакомиться.

– Меня зовут... Бланка.

Двухсекундное колебание, быстрый косой взгляд на нишу церкви Белой Богородицы, стоявшей прямо перед нами. Слишком долгая пауза, чтобы сообщить настоящее имя.

«Почему ты мне соврала?» – подумал я.

– А тебя?

«Зовите меня Исмаил».

– Исмаил.

– Исмаил... понятно. Рада знакомству, Исмаил. Если ты и дальше будешь вставать в такое время, чтобы побегать, рано или поздно мы снова встретимся, – сказала Бланка, после чего продолжила бег и исчезла внизу лестницы.

Я остался возле Селедона¹¹ и видел, как она пробежала мимо моего дома и скрылась в направлении парка Флорида.

Два часа спустя я крутил педали своего велосипеда, направляясь в Лакуа к новому полицейскому участку – внушительному бетонному строению. Пристегнул велосипед на замок возле изгороди и, прежде чем войти, глубоко вдохнул.

Что готовит мне этот день, с какими мыслями усну я этой ночью?

«Сосредоточься на том, что предстоит, и все будет хорошо», – ободрял я сам себя, не веря ни в одно из мысленных обещаний.

⁹ «Моби Дик», Герман Мелвилл, перевод И. М. Бернштейн (прим. переводчика).

¹⁰ Смотри прим. на стр. 9. Блузами называют всех участников карнавальных шествий.

¹¹ Собирательный образ жителя деревни, уроженца Алавы.

Я поднялся по лестнице и оказался на втором этаже. Усевшись перед компьютером, принялся искать данные и приводить в порядок собственные мысли. Вскоре комиссар Медина – человек с густыми черными бровями и плотной белой бородой, иногда жесткий и требовательный, иногда мягкий и участливый – дважды постучал в мою дверь и вскоре возник на пороге. Физиономия у него была озабоченная.

– Добрый день, инспектор Айяла. Вы читали сегодняшние газеты?

– Еще не успел, сеньор. А что, война началась?

– Боюсь, что да. – Вздыхнув, он кинул мне экземпляр «Диарио Алавес». – Кто-то разболтал о трупах в Старом соборе, и вчера вечером вышел специальный выпуск.

– Газета посреди ночи? – удивился я. – Насколько я знаю, на бумаге теперь не публикуют даже горячие новости. Все, что не вошло в утренний бумажный вариант, добавляют в электронный.

– Это дает представление о том, что «Диарио Алавес» намерена заниматься этим делом специально. Хотя ничего странного тут нет. На улицах Витории со вчерашнего вечера только об этом и говорят. Мне уже позвонили с дюжины радиоканалов, а заодно из нескольких телепрограмм. Все хотят всё знать, все требуют подробностей. Идите в мой кабинет, инспектор Гауна уже ждет нас. С сегодняшнего дня к этому делу подключается заместитель комиссара Диас де Сальватьерра, она будет ответственным за расследование. Разумеется, все мы надеялись, что ее первый день выйдет более спокойным, но реальность диктует свои законы, как говорят журналисты. Прошу, следуйте за мной.

Я кивнул, искоса просматривая заголовок газеты: «Юноша и девушка найдены мертвыми в Старом соборе».

Я облегченно вздохнул. Название звучало расплывчато, тон был на удивление нейтрален и мало соответствовал борьбе за заголовки, разгоревшейся в прошлом у этой газеты с ее вечным соперником, «Коррео Виториано».

Вот и кабинет, обитый деревянными панелями. На моем лице застыло выражение напряженного ожидания. Новые назначения всегда держались в строжайшей тайне, и было бесполезно пытаться узнать что-нибудь раньше времени. Начальство помалкивало, никто не знал, какие должности будут заняты; как правило, людей назначали из других участков. Эстибалис в полицейской форме сидела за гигантским столом для совещаний. Я посмотрел на новую начальницу – и остолбенел, не зная, что и сказать.

– Помощник комиссара Альба Диас де Сальватьерра, представляю вам инспектора Унаи Лопеса де Айялу.

Сидящая за столом дама в элегантном костюме улыбнулась, притворяясь, что видит меня впервые, в то время как оба мы понимали, что это не так. Передо мной была та самая Бланка, с которой мы познакомились сегодня утром.

– Заместитель комиссара... – отозвался я самым нейтральным тоном, на который был способен. – Добро пожаловать в Виторию. Надеюсь, вам будет приятно работать с нашим коллективом.

Она выдержала мой взгляд на полсекунды дольше положенного, расплылась в формальной улыбке и пожала мне руку – второй раз за последние пять часов.

– Приятно познакомиться, инспектор Айяла. Боюсь, первое собрание нам придется провести прямо сейчас.

– Инспектор Гауна, – вмешался комиссар Медина, – у вас уже есть отчет криминалистов, которые обследовали место преступления?

– Конечно. – Эстибалис встала и раздала присутствующим три экземпляра. – Подведу итог: убийца или убийцы не оставили ни улики, ни отпечатков пальцев, хотя мы сделали все возможное, чтобы найти лофоскопические отпечатки с помощью имеющихся приборов. Во время экспертизы была принята во внимание темная и пористая поверхность камня, которым

отделан склеп, от свинцовых белил до нингидрина. Следов обуви также не обнаружено. Смерть наступила за два часа до того, как тела перенесли в подземную часовню храма. Нет следов сексуального насилия и самозащиты со стороны жертв. В отсутствие результатов вскрытия, которое будет проведено в течение сегодняшнего дня, мы можем предположить, что вероятной причиной смерти стало удушение, вызванное множественными укусами пчел в горло жертв.

– Пчел? – переспросила заместитель комиссара. – Но как они там оказались?

– Мы с инспектором Айялой обнаружили на губах жертв следы клейкой ленты. Думаю, убийца насильно поместил им в рот нескольких пчел и заклеил губы лентой. Кроме того, лица жертв пахли бензином. Подобный запах раздражает пчел. Таким образом убийца добивался того, чтобы пчелы кусали жертв в горло, вследствие чего отек слизистых оболочек закупорил дыхательные пути и спровоцировал смерть, хотя для этого также следовало зажать нос. Боюсь, смерть у этих ребят была мучительной.

Я осторожно посмотрел на комиссара: она сжала зубы, затем лицо ее вновь обрело наигранное спокойствие.

– А что насчет имен потерпевших? – спросила она, убрав с лица темный завитой волос.

– Об этом я и хотела бы с вами поговорить. Мы просмотрели описания в заявлениях об исчезновении людей в Витории и провинции за последние дни. И до вчерашнего вечера не было ни единого заявления о недавнем исчезновении. Тем не менее заголовок газеты за прошлый вечер звучит вызывающе, и, позволю себе предположить, эффект его будет ощущаться весь сегодняшний день и рассеется только к вечеру.

– Не понимаю.

– Родители прочитали вчера вечером в газетах, – ответила Эстибалис, – что в соборе найдены мертвые юноша и девушка. Предыдущая ночь была кануном Дня блузы. Многие парни и девушки двадцати с чем-то лет еще не вернулись домой после вечеринок. Сейчас одиннадцать утра. Родители запаниковали, начали звонить детям, но их телефоны не отвечают. Часто юноши и девушки выключают телефоны на ночь и не отвечают на звонки родителей, а потом говорят, что не было связи или села батарейка. Полицейский участок на улице Олагибель забит обеспокоенными родителями, которые не могут разыскать своих детей. К сожалению, распространенное явление. После трагедии в Мадриде на Арене¹² было то же самое. Линия 112 перегружена. Пять минут назад мы получили почти триста звонков от родителей, заявивших об исчезновении детей. Однако мы имеем право официально начать розыск только через двадцать четыре часа после исчезновения. Подавляющее большинство родителей звонят потому, что дети до сих пор не вернулись с гуляний, а новость они узнали за завтраком. В течение утра дети вернутся, и многие родители не станут снова звонить на 112, чтобы сообщить нам о том, что дети нашлись: они будут так счастливы, что захотят поскорее забыть о своих опасениях.

– Что дает убийце или убийцам бесценное преимущество во времени, – вслух подумал я. – Не случайно он убил этих ребят накануне Дня блузы. Думаю, этого-то он и добивался: опередить нас, а заодно добиться послепраздничного коллективного психоза.

– Первые впечатление? – обратилась к нам заместитель.

– Убитые маленького роста, – не задумываясь, ответил я.

– Что, простите?

– Жертвы. Они очень маленькие. И худые, – пояснил я.

– И что это значит? – заинтересовалась заместитель комиссара Диас де Сальватьерра. – К чему это ваше замечание, Айяла?

– Мы все время подразумеваем, что убийцей был мужчина. Но в данный момент я не могу исключить, что это была женщина, крупная и наделенная определенной физической силой;

¹² Имеется в виду трагедия в комплексе Madrid Arena, произошедшая в ночь на 1 ноября 2012 года и унесшая жизни пяти девушек (прим. переводчика).

по-моему, такая женщина вполне способна была бы убить их одного за другим. До сих пор жертвами были младенцы, а также дети пяти, десяти и пятнадцати лет; а сейчас, если наши подозрения подтвердятся, двое молодых людей в возрасте двадцати лет. Невысокие, не отличающиеся физической силой. По-прежнему вероятно, что убийство могло быть совершено как мужчиной, так и женщиной. Если убийства продолжатся, было бы любопытно узнать рост и телосложение следующих жертв.

– Следующих жертв... – повторила заместитель комиссара. – Вы настолько уверены, что убийства продолжатся?

– Мы должны перестать делать вид, что это убийство – первое и единственное, – сказал я, вставая. – Мы даем виновному преимущество. Пора признать, что убийца явно имел в виду преступления, совершенные двадцать лет назад. Не имеет смысла начинать с нуля. Преступления возобновились. И они продолжатся. Мы должны предупредить двадцатипятилетних жителей Алавы, носящих типичные для наших мест двойные фамилии. Мы не способны создать устройство, которое защитит пять тысяч молодых людей одновременно, но можем дать указания по безопасности. Чтобы не гуляли по улицам одни, не возвращались поздно с вечеринок. Пусть с ними всегда кто-то будет. Нельзя заходить одним в подъезд, отправляться по выходным одним в горы. Мы не знаем, где преступник ловит их или похищает, чтобы убить. Надо постараться максимально усложнить для него ситуацию.

Альба встала передо мной, сложив на груди руки.

– Мы не будем этого делать, – только и сказала она.

– Что? – откликнулся я, не веря своим ушам.

– Нельзя тревожить население еще больше. – Она покачала головой с неожиданным хладнокровием. – Если мы опубликуем советы по самозащите, это вызовет панику, и работать станет только сложнее. Я не хочу, чтобы начался хаос.

– Хаос уже начался, и устроил его убийца. Так значит, вы не согласны с тем, что наша задача прямо сейчас, сегодня – предотвратить следующее и более чем вероятное убийство юноши и девушки двадцати пяти лет?

Именно это казалось мне очевидным: поймать его до совершения следующего преступления.

Именно об этом и шла речь.

Я посмотрел на сидящих: на их лицах застыло странное выражение, словно я только что закричал. Возможно, я действительно закричал, сейчас уже не помню.

В эту секунду вошел Панкорбо, один из наших самых старых и заслуженных следователей, на ходу кончиками пальцев расправляя седые пряди вокруг гладкой седой лысины. Он что-то прошептал комиссару на ухо и бросил на нас обеспокоенный взгляд, вернулся к двери и исчез так же бесшумно, как и вошел.

Комиссар Медина провел пальцами между своими могучими бровями и на мгновение сжал веки.

– У вас компьютеры включены? – обратился он к нам.

Мы с Эстибалис пожали плечами, ничего не понимая.

– Да, разумеется, – ответила она.

– Тогда немедленно идите к себе в кабинеты, выйдете из интернета и выключите их. А заодно отключите интернет у себя в телефонах. Наш участок подвергся хакерской атаке.

Я побежал в кабинет, закрыл все документы, где описывал свои первые впечатления о случае в Старом соборе, и собрался выйти из почты, как вдруг обнаружил непочитанное сообщение. Увидев адрес отправителя, я почувствовал, как кровь стынет у меня в жилах: Fromjail, или, в переводе с английского, «Из тюрьмы».

Я знал, что по приказу начальства мы не имели права открывать новые сообщения, знал, что риск слишком велик. Знал, что...

Я открыл письмо. Текст был коротким и буквально пригвоздил меня к месту.

Кракен!

Мы с тобой можем объединиться и вместе охотиться за убийцей. Приезжай ко мне сегодня же. Сам понимаешь, это срочно. Он не остановится.

Со всем уважением к твоим методам расследования,

Тасио

3. Сабалья

25 июля, понедельник

Как он назвал меня – Кракен? Откуда Тасио Ортис де Сарате знал мое подростковое прозвище? Каким образом парень, который двадцать лет сидит за решеткой, вычислил меня и отправил мне электронное письмо, если в тюрьме у заключенных нет доступа к интернету? Это действительно он, или же это ловушка?

Я бросился в кабинет Эстибалис и закрыл за собой дверь.

– Тебе придется прикрыть меня или что-нибудь на-врать, – с ходу начал я.

– Не в первый раз, – проворчала она, подергав себя за рыжий хвост.

Эстибалис еще ни разу меня не подводила. Она была верна и надежна, как двигатель старого кубинского «Кадиллака».

– Я еду в Сабалью, мне надо поговорить с директором тюрьмы. Похоже, со мной связался сам Тасио Ортис де Сарате, хотя это мог быть и кто-то другой. В любом случае я должен допросить его лично, это единственный способ. Хочу понять психологию убийцы: если это последователь Тасио, есть определенные признаки, скрыть которые он не сможет. Начальство, в отличие от нас, не торопится, поэтому пока не будем ничего им сообщать. Официально я все утро с тобой, навожу справки о людях, имеющих отношение к Старому собору: священниках, церковном старосте, уборщиках, археологах и экскурсоводах, которые бывают там чаще других. Сегодня утром я связался с компанией по техническому обслуживанию, она называется «Альфредо Руис». Поговори с их менеджером; он предоставит тебе данные всех тех, у кого есть ключи от собора. Встретимся ровно в три в баре «Толоньо». Пообедаем и обменяемся новостями.

Я взял одну из служебных машин, белый «Ниссан Патрол», и отправился по N-1 в сторону пенитенциарного центра Алавы, к огромной тюрьме, где Тасио и остальные заключенные содержались с тех пор, как закрылась старая тюрьма, Нанкларес-де-Ла-Оса.

У Тасио имелось двадцать лет, чтобы, сидя в тюрьме, пересмотреть всю свою жизнь и создать себя заново. Он больше не был археологом и не собирался возвращаться к этой специальности; теперь он стал специалистом по криминалистике и писал сценарии сериалов. Новость о том, что он продал сценарий для детективного сериала за шестизначную цифру НХО¹³, американской компании, известной своими культовыми сериалами, позволила ему вернуться в заголовки газет. Это уж точно выгоднее, чем работать на Провинциальный совет Алавы.

Чуть позже, когда в средствах массовой информации восстановилась его известность, которая, судя по всему, была ему по вкусу, в Twitter появилась таинственная страница под именем пользователя @scripttipsfromjail. Внимание она привлекала тем, что в профиле была фотография Тасио в лучшие времена его жизни, немногим раньше совершенных преступлений: соломенные волосы, прямоугольная физиономия, белоснежная улыбка, широкая и обаятельная. Неотразимый парень, настоящий победитель.

Вверху страницы располагалась панорама Витории. Четыре самые высокие церковные башни: Старый собор, Сан-Висенте, Сан-Мигель и Сан-Педро. Знаковое изображение города, которое красовалось на наклейках и магнитах.

¹³ Авторский намек на кинокомпанию HBO, сделанный, по всей видимости, чтобы избежать обвинений в нежелательных совпадениях.

Личный профиль вызывал много вопросов: «Я всего лишь сценарист на ошибочной стороне реальности. True serial addict, fake serial killer. Тасио Ортис де Сарате». Что-то вроде «@советы начинающим сценаристам из тюрьмы». Затем каламбур, который можно было бы перевести как «Настоящий ценитель серийных убийств, ошибочно принятый за серийного убийцу».

Обычно он вывешивал советы типа: «Зритель должен с удовольствием ненавидеть твоего отрицательного героя». Или же: «Лучший способ создать драматическую иронию – сделать так, чтобы в первом же акте зритель знал больше героя», «Когда вы создаете своего отрицательного героя, имейте в виду, что злодеи не знают, что они злодеи. Это люди, которые ложатся спать с чистой совестью, уверенные в том, что поступают правильно».

Страница насчитывала полмиллиона подписчиков. Некто, вывешивающий по сто сорок печатных символов, выдавал себя за Тасио, при том что никто не мог понять, как тому удастся вывешивать твиты, находясь в тюрьме.

Мир разделился в зависимости от чувств, которые вызывало существование автора этой страницы: вся Витория его ненавидела, однако остальная планета, особенно юное поколение, не помнившее ужаса четырех двойных убийств, очарованное легендой о серийном убийце, продающем миллионные сценарии, боготворило каждую каплю мудрости, которая просачивалась в Сеть.

Подъехав к бескрайней тюремной парковке, я занервничал и принялся стучать пальцами по рулю.

«Брось свои глупости, ты уже взрослый», – упрекнул я себя. Просмотрел рекомендации, как избежать влияния манипуляторов и эгоманов, которыми нас снабдили в академии Аркауте.

Показал свой жетон офицеру у входа, круглолицему типу с плотно прижатыми к черепу ушами, и потребовал встречи с директором отдела уголовного розыска, чтобы сообщить ей о случившемся.

– Идите в коммуникационный модуль, – сказал тип, увидев мое имя и заглянув в свой список. – Заключенный Тасио Ортис де Сарате ждет вас в зале номер три.

Я удивился, но виду не показал. Вышел из главного здания и зашагал в указанном направлении.

Я миновал зеленый коридор, вошел в третий зал и сперва подумал, что ошибся. По ту сторону стекла, неподалеку от офицера, скучавшего в дверях, на черном пластиковом стуле сидел заключенный, с виду напоминавший токсикомана. Скелет с безумным взглядом, погруженным в себя, ожидающий визита кого-нибудь из родственников.

Я повернулся и взялся за ручку двери, чтобы выйти вон. И тут услышал, как костлявые пальцы барабанят по стеклу. Я поднял голову. Заключенный манил меня пальцем, указывая, чтобы я взял телефон с полочки из нержавеющей стали и занял свободный стул, в точности такой, как его.

– Чего тебе, лист бумаги? – спросил я, хотя знал, что мой голос не проникнет за толстое стекло.

Так и не присев, я взял телефонную трубку и поднес к уху; носки моих ботинок все еще были повернуты к дверям, чтобы поскорее уйти.

– Кракен... – прошептал хриплый голос; этот голос пронзил мой разум, как пуля, парализовав память.

На несколько секунд я превратился в статую, забыв даже дышать. Тасио тем временем поднял свой безумный взгляд и уставился на меня в упор.

Невозможно было соединить образ красивого и успешного мужчины, который хранился в моей памяти, с этим человеческим отрепьем. Тасио исполнилось сорок пять, но заключенный, которого я видел перед собой, казался намного старше. Сказать, что старость его испор-

тила, было бы слишком поверхностно – этот Тасио был грубой пародией на заключенного американской тюрьмы. Костлявый наркоман с салными патлами, кое-как забранными в хвост. Усы в форме перевернутой подковы, дикие и неуместные, будто бы только что из семидесятых, выглядели жуткими и комичными одновременно.

Нет, вру: все это выглядело пугающе.

Этот тип явно был не в себе. Вид у него был просто дикий. Как будто двадцать лет объезжал диких лошадей или что-нибудь похуже.

«Что с тобой сделала жизнь, парень?» – это было первое, о чем я подумал.

Непонятно, по какой-то причине эти слова вылетели из меня сами. Так бывает с пьяным или ребенком, которые не лгут.

– Что с тобой сделала жизнь, парень? – услышал я сам себя, будто под гипнозом.

Я сжал веки, когда понял вдруг, что уже поздно. Ничего себе начало...

– Именно это мы и попытаемся исправить, Кракен. То, что со мной сделала жизнь... – неторопливо проговорил он. Его слабый и какой-то замогильный голос врезался мне в барабанную перепонку и оцарапал ее.

Его медлительная речь действовала как героин; возможно, этот новый голос, на несколько тонов ниже того, что я помнил, был результатом многолетнего курения.

Тасио глубоко затянулся, спокойно выдохнул сигаретный дым и некоторое время возился с одной из пачек черного табака, лежавших с его стороны на железной полке. У него оставалась еще одна пачка, нераспечатанная. И две пепельницы. Да, именно две.

Он жестом предложил мне присесть, и наши отражения в толстом защитном стекле накладывались друг на друга подобно двойной голограмме.

– Ладно, – вздохнул я. – Давай сразу к делу. Почему ты меня позвал?

– Я очень обеспокоен, – произнес он наконец после молчания, длившегося, казалось, целую вечность. – Я выхожу через пару недель в тюремный отпуск¹⁴. Если преступления продолжатся, убийца найдет способ снова меня подставить.

– Подставить тебя? Но пока ты в тюрьме, как кто-то может тебя подставить?

– Не притворяйся – ты думал об этом, как и вся Витория, на протяжении последних часов. Вы думаете, что я подстрекатель. Вот почему я тебя позвал. Если я помогу тебе его поймать, Витория примет меня обратно.

– Примет тебя обратно? – недоверчиво повторил я. – После того, как ты убил восьмерых детей-вителианцев? Ты понимаешь, что говоришь?

Тасио вновь посмотрел на меня потерянными глазами. Помолчал, словно отвечать на мой вопрос не имело – смысла.

– Бесплезно убеждать тебя в том, что я невиновен в совершении первых восьми убийств. Знаю, в твоих глазах я обречен. Как и в глазах всего человечества. В первые годы я пытался, пытался изо всех сил. Для суда я нанял лучшую защиту, которую только имел возможность оплатить, но этого оказалось недостаточно. Затем, когда приговор был окончателен и меня посадили в Нанкларес вместе с другими заключенными, с теми чиновниками... Все вы меня осудили. Мне было сложно убедить себя в том, что ничего уже не поделаешь, что правда никого не интересует. Только факты: виновный сел в тюрьму, и убийства прекратились. Но я был как одержимый: мне нужно было понять, как случилось, что в течение нескольких часов люди, которые еще вчера просили у меня автографы, начали меня ненавидеть. Я занялся криминали-

¹⁴ В испанской пенитенциарной системе существует несколько видов тюремных отпусков в зависимости от тяжести преступления. Предполагается, что такие отпуска должны помочь с адаптацией после выхода из тюрьмы. Как правило, право на тюремный отпуск дается по истечении четверти срока наказания или в экстраординарных случаях (смерть близкого, тяжелая болезнь и т. д.). Во время такого отпуска заключенный носит браслет на ноге и находится под наблюдением правоохранительных органов, но в остальном может несколько дней провести как обычный житель города, а затем должен снова вернуться в тюрьму.

стикой, изучал психологию убийц, судопроизводство, поднимал дела о серийных убийцах. Затем пристрастился к детективам и пересмотрел все то немногое, что сумел достать в тюрьме. Любил черные сериалы. Я начал понимать, что реальность и вымысел – братья-близнецы что они питают друг друга. Во всех этих историях есть план, завязка и развязка, герой, противостоящие силы, союзники, враги, испытания... и подстрекатель. О чем я сейчас говорю? Эй, Кракен? О вымысле или реальности?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.